

18 Анатолий Мусатов

повесть

Фея

Торфболота

Анатолий Васильевич Мусатов

Фея Торфболота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71615359

ISBN 9785006540460

Аннотация

Случайная встреча в жизни простой девушки обернулась для нее трагичным исходом. Ее захлестнуло воображаемое ожидание любви, но миражи жизненных будней оборвали призрачные надежды на ответное чувство. Пропась между ней и ее избранником была слишком велика. Измученная и разочарованная, она не захотела продолжать эту жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фея Торфболота

Анатолий

Васильевич Мусатов

Дизайнер обложки Анатолий Васильевич Мусатов

© Анатолий Васильевич Мусатов, 2025

© Анатолий Васильевич Мусатов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-4046-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Бидоны, наваленные кучей на тележку, весело отзванивали бесшабашную чечётку, ссыпая свою незатейливую музыку в молодой ельник, росший по обеим сторонам тропинки. Возвращалась она оттуда уже переделанная на лесной лад гудением потревоженных шмелей и писком испуганных птиц.

Антон, меланхолически покусывая травинку, шёл за Славкой. Он рассеянно следил за тем, как тележка, словно игрушечная, прыгает по кочкам, расплёскивая лужицы, оставшиеся после вчерашнего ливня. Ощущение покоя не покидало его с утра. Смотря на внушительные габариты брата, на тележку в оковалках его мощных рук, на обмытое майским ливнем ослепительно-голубое небо, Антон бездумно отдавался этому упоительному чувству. Он понемногу сбрасывал с себя шелуху круговерти большого города. С каждым вдохом густого медвяного воздуха Антон вбирал в себя целительную силу, у которой нет названья, но которая, – он чувствовал это, – словно перерождала все его существо.

– Ну и хватанул нас вчера дождичек, – прервал его рефлексии Славка, с удовольствием смакуя это событие. Хотя вчера, когда они, вдрызг мокрые, бежали от автобуса до дачи, он не высказывал таких положительных эмоций, глухо проклиная и матеря этот неожиданно подкравшийся ли-

вень с градом. Зато сегодня Славка благодужествовал. Когда до водоразборной колонки оставалось метров тридцать, Славка обернулся и сказал:

– Кто это там дрыхнет? Смотри, Тош, кажется, Ванька.

Подойдя ближе, Антон увидел лежавшего на скамейке поселкового жителя, бывшего «благодетеля» всех дачников в округе.

С «начала всех начал», с тех самых перестроечных времен, когда в окрестностях посёлка, плодившиеся как грибы, застраиваемые участки под садоводческие товарищества овладели умом и сердцем поселковых мужиков, Ванька из зачуханного выпивохи превратился в респектабельнейшего пьяницу. Как он сам объяснял эту чудесную метаморфозу, с ним, по сравнению с остальными мужиками, приезжие столичные граждане долго не церемонились, нанимая для свершения строительных таинств. Тут-то Ванька и развернулся. Он не стал, по его выражению «чесаться задом об топор» и с удивительной ловкостью и проворством превратился в популярного менеджера местного значения. Там, где Ванька подряжался вести дело, самым фантастическим образом появлялись нужные дефицитные материалы, солидные, масштабного разворота, бригады шабашников, один вид которых внушал уважение к их деловым качествам. И все это обходилось ошалевшим от счастья дачникам по таким божеским ценам, что вводило в некоторое сму-

щение. Особо любопытствующих Ванька солидно урезонивал: «Не сомневайтесь, мамаша, с вас отчета не возьмут! Все зако-о-он-но!». Реплику он сопровождал таким многозначительным похлопыванием по папочке, удобно размещавшейся у него под мышкой, что умиленная мамаша, расчувствованная до слез, неловко совала в руку благодетеля две-три стандартных ёмкости с «жидкой валютой», при сем суля новые благодарные пожертвования.

Ванька пожертвования брал. Для всех оставалось тайной за «семью печатями», в том числе и для Антона со Славкой, как и чем этот «дачный мессия» рассчитывался за дефицит материалов и людских ресурсов. Но, так или иначе, Ванькой он оставался недолго. На следующий год после начала сногшибательной карьеры Ваньки на подрядном поприще брата, увидев его, только и смогли произнести оторопелое: «Ива-а-ан!», давя в себе поползновение добавить к этому и ещё что-то, приличествующее в обращении к уважаемым людям.

Перемена была разительна. Костюм и благородного цвета рубашка (и это в тридцатиградусный солнцепёк!), новёхонькие туфли и одуряющей запах одеколona вышибли начисто у них былое запанибратство. Славка, ошалело смотря на него в оба глаза, едва смог робко выдать:

– Иван, что это с тобой?...

Ванька был готов к такому эффекту. Он снисходительно усмехнулся и сказал:

– О-о, пошёл чесаться задом об топор! Заходите мужики вечером, дам понятное объяснение. Счас дела, недосуг мне. Ну, покедова.

Он кивнул и величественно зашагал прочь. Антон и Славка, озадаченно воззрясь друг на друга, с минуту осмысливали происшедшее, но потом смех неудержимо выпер из них как шампанское из бутылки. Единственное, что они могли сделать, так это сдерживать особо ярые приступы хохота, чтобы этот ходячий монумент не смог услышать их столь бурные проявления восторга...

Как ни устали в тот вечер братья, они все же не смогли побороть в себе страстного любопытства, приволокшись к Ваньке затемно. С выпивкой у них было не густо, всего два «сухаря», но и то по тем временам было славно. Но, видно, такова уж судьба – ежели что вывалит, то кучей! Не успели они, войдя в комнату, выставить на стол своё богатство, как Ванька, бывший теперь в «варёнках» и потрясающей футболке, смахнув со стола газетные развороты, преподнёс им главный сюрприз с соответствующим гарниром. Во-первых, он был не «надравшись» по случаю наступившего вечера, во-вторых, они увидели на столе нечто невозможное, и, в совокупности, невообразимое ранее в таком сочетании: Ванька, – трезвый, ну, может, принявший самую малость, стол, – на нем две (невероятно!) экспортной «Российской» ноль-семь, закуска!.. – все, что душа горожанина часто возжелает, но, по причине отсутствия предметов вожделения, только

пребывает в унылых мечтах.

Огурчики и все сплошь молодь ядреная, соленые грибки, да не такие, что с саранчовым аппетитом подметают по лесам истомившиеся по ним дачники и прыткие старики и старушки – базарные души. Не оплывшая от ветхости грибная прелость, подаваемая хозяйкой к праздничному столу со снисходительной гордостью, – нет! То были перлы природы! А прочего, прочего! Сало розовое с чесночным, ароматным духом, капуста-спагетти в ярко-алых брусничных блёстках, островок баночной ветчины, по размерам уступающий, ну разве что небольшому матерiku среди моря тонких кружочков сервелата! Ошалевшие братья, особенно неравнодушный к подобному Славка, щурились на это богатство, не понимая, за что такое им отличие, и только бормоча: «Ну, Вань, ну убил...» старались не звякнуть своим убогим подобием слезившихся оттаявшей влагой высившихся на столе посудин с «божественным нектаром».

Ванька был царственно великодушен. Он даже не заметил сиротской сумочки в руках братьев. Тихонько подталкивая Антона и Славку к столу, он не говорил, а журчал: «Во, бывает лучшее, эта мы так, завсегда держим! Так сказать, к вечерним мужикам. Сезон идёт, во!».

После первой, после нескольких минут сосредоточенного молчания, почти ритуального по своему торжественному самоуглублению, Ванька, распираемый законной гордостью хлебосола, философски округлил значительность этих ми-

нут: «Да-а, мужики!».

А потом, когда Антон и Славка включились в неудержимый конвейер стопок, жевания и глотания, Ванькиного журчания, все протекало так неторопливо и приятно, что слова Ваньки относительно его поистине восточной роскоши казались откровением божьим:

– Что здесь главное? Не пропустить! – Ванька хрястнул огурцом. – Слово ба-а-альшого смыслу! Не пропустить мима и не пропустить лишнего. Ну, насчёт лишнего, эт лишнее! – Ванька хохотнул, восхитясь своим каламбуром. – Дураку понятно – апасля лишнего никакого дела не сварганишь. Вот!.. А насчёт мима, мужики, я вам доложу-у-у... – Он изумлённо покрутил головой, мелкими выдохами выталкивая из себя мягко-шипящую букву «к». — Умники, из тех, – он боднул куда-то в сторону кучерявым чубом, – они-ж что думают? Хапай бумаженции направо и налево, потом посчитаем! А того не учитывают, дурни оплёвые, что с этими бумаженциями потом делать? А? Товару ни них не купишь, ежели его нет нигде! То-то! Вот валюта!

Он любовно описал над пиршественным столом вилкой с надетой на неё грибной шляпкой замысловатый вензель, явно имея в виду водочный экспорт.

– Не-е, ты сам подумай, – обращался раскрасневшийся Ванька к солидному Славке, – рази счас эти бумаженции имеют настоящую цену?

Он оглядел братьев испытующим взглядом, желая уви-

деть одобрение своему тонкому умозаключению. Антон со Славкой поняли это. Не имея возможности набитыми ртами выразить вслух своё согласие, они с чувством закивали головами. Ванька многозначительно цыкнул зубом и сказал совсем буднично и трезво:

– Ну, теперя смекайте сами, что из этого следует.

Разомлевшие братья отказались смекать категорически, сославшись на сложность вопроса. Ванька польщённо кивал кудрявой головой и, выдержав очередную минутную паузу, во время которой дожёвывал бутерброд с ветчиной, совместил её конец с началом «откровения»:

– Му-у-... жики, все просто, как этот стопарь! Брать надо литры! И все! Мякитите? Не-е-т! – довольно оттянул он своё «откровение. – М-да-а, вижу сложности – поясняю. Приходишь к клиенту и договариваешься на дефицит. Они благодарят, естественно, купюрами. Ну, тут надо показать твёрдость и перевести благодарность в нужный момент. Те соображают – и никаких проблем! А как стройка дачи есть сплошняк дефициту, – складывается фонд из благодарностей, ну, там, десяток—другой ящиков водки, – другого принципиально не беру. Дач много и обменного дефициту, стало быть, много. Это спервоначалу трудно было развернуться, а пото-о-ом, хе!..

Ваньку понесло. Антон слушал преподносимые азы менеджерской науки в изложении поселкового гения и дивился, сколь изобретательна бывает корысть людская. А Ванька, за-

гибая пальцы, продолжал считать: «... в-третьих, – никаких тебе очередей, само плывёт, в-четвёртых, – с этим завсегда с кем угодно договориться можно, в-пятых, – главное! – в наших краях с капиталом из водяры можно такую денгу настричь! Не мене, как за пару червонцев, а то и за четвертной, – не грехи, отдай! Чистая прибыль!».

Таких пунктов у Ваньки набралось почти на два кулака, которые он сунул Славке под нос, дабы показать ближе очевидность его аргументов. Славка сидел с хитрым видом, уже с трудом вникая в Ванькино красноречие. Но так как снедь, стоявшая на столе, ещё не вся исчезла в его могучей утробе, он, с добродушной снисходительностью сытого человека, продолжал поддакивать Ваньке через каждые два слова.

Они не заметили, как за окном легла ночь. Уставший Ванька, осоловело начал клевать носом. Антон кивнул брату и тот потряхнул сомлевшего хозяина. Ванька, разобрав, что братья уходят, вызвался их провожать. Когда они вышли на улицу, ярко вызвездившаяся майская ночь набросила на них своё свежее покрывало, сплошь сотканное из стрекотания кузнечиков, одуряющего запаха молодой листвы и ещё чего-то такого, к чему никогда, сколько бы ни жил на свете, не привыкнешь. Ванька со Славкой закурили перед расставаньем, но не успели как следует затянуться, как их окликнул женский голос:

– Ребята, сигаретки не найдётся?

Ванька, не вынимая сигареты изо рта, откликнулся:

– Любк, ты что ли? Иди, дадим сигаретку и ещё кое-чего!

На что женщина не замедлила отозваться:

– Ладно, иду, только потом не жалуйся, петух траченный!

Ванька довольно засмеялся и тихо сказал:

– Мужики, это наша торфболотовская фея, не теряйтесь!

Тут дело верное, нажмите покрепче и все.

Из темноты возникла женская фигура. Антон потом вспоминал, как женщина подошла и под платком он не мог разглядеть её лица, как потом возникла незлобивая перебранка. Но лишь только вспыхнувшая спичка осветила лицо женщины, как он вспомнил, что видел где-то её. Затем долго стояли, и в ход пошла ещё одна бутылка водки, которую принёс Ванька, а дальше все было смутно. В памяти лишь осталось, как они отправили Ваньку спать, сами шли куда-то, россыпь комплиментов и ещё что-то...

Словом, наутро Антон, ворочая раствор и чертыхаясь про себя, едва мог шевелить своё заколотившее тело, которым с трудом управляла трещавшая голова. Славка чувствовал себя не лучше, а потому угрюмо молчал и поминутно бегал пить, промокая себя от обильного пота огромным шматом тряпки. К обеду стало легче, и они стали обмениваться впечатлениями вчерашнего вечера.

Глава 2

У колонки их опередили. Кто-то из местных тёток шустро вынырнула из подъезда рубленого двухэтажного дома с огромной бочарой на колёсиках. Прилаживая её поудобнее, она не очень-то, видимо, спешила. Славка в сердцах сплюнул:

– Вот черт! Теперь проторчим здесь полчаса, не меньше!

К несчастью, он оказался прав. Вода ленивой струйкой точилась из носика колонки. Падая в бездонную пасть тёткиной посуды, она, казалось, проваливается в никуда. Сама же тётка, правильно рассудив, что её цистерна не окажется без внимания, скрылась в доме. Антон уселся на бортик тележки и потянулся:

– Ну что, загорать будем?

– Как вон Ванька? – Славка ткнул большим пальцем на противоположную сторону улицы. У дома, на скамейке, стоявшей у палисадного штакетника, вытянувшись во весь рост, храпел экс-менеджер. Одна его нога свесилась вниз, другую он удобно пристроил, согнув и прислонив к спинке скамейки. По его босым ступням паслись в совершенном довольстве мухи, но это отнюдь не беспокоило Ваньку.

Братья понимающе усмехнулись. Такая исключительная выносливость объяснялась прозаически. Все, видимо, вернулось на круги своя: ветхая одежонка, заляпанные штаны

и неопределённого цвета майка и богатырский храп, выдававший состояние бывшего «благодетеля», со всей очевидностью говорили, что его сезоны кончились.

Действительно, за прошедшие пять лет все было сооружено, построено, а оставшуюся мелочёвку дачники предпочитали доделывать сами. Ванька постепенно исчез из поля зрения и, хотя братья уже с месяц ездили по воскресным дням на дачу, его они увидели в этом году впервые.

Славка отправился к скамейке:

– погоди, не трогай его, – крикнул Антон, поняв намерение брата. – Разбудишь, – не отвяжется! Ну его к дьяволу!

Славка остановился и повернулся к Антону:

– Пойду, схожу в магазин, если так.

Он вдруг хитро сощурился:

– Мимо пойду – зайти, что ли? Привет передам, скажу, что приехал.

– К кому это ты намылился?

– Я? Я в магазин, а если ты насчёт привета, то я о Любке. Что-то не видать давно твоей воздыхательницы. Ну, так как?

– Отвяжись, – с чувством сказал Антон. – Иди, куда шёл, да не долго. Я один ворочать не собираюсь!

Он отвернулся и заёрзал по бортику тележки, усаживаясь поудобнее. Подставив лицо и грудь благодатным потокам солнечного тепла, он отогревал истосковавшееся по солнцу за долгую зиму тело. Какая-то ассоциативная, совершенно непонятным образом пришедшая на память мысль, вдруг

связала этот майский день с тем далёким, совсем не весенним, распухшим от жары и духоты, днём. В тот день он впервые увидел, по выражению Ваньки, «фею» этого посёлка со странным и смешным названием Торфболото...

– Нет, ты... ик-х-х, мне скажи, я прав?! – с мерной настойчивостью вопрошающе бубнил позади Антона насадившийся до осоловления какой-то корявый мужичок. Все тридцать минут после отправления рейсового автобуса, как всегда взятого штурмом, после того, как вломившиеся, потные до безобразия и столь же злые пассажиры, распихавшие по коленям и другим немислимым местам сумки, рюкзаки и невероятное количество мешков и узелков приходили в себя, постепенно отходя душой, предоставляя телу страдать в одиночестве от невероятной тесноты и духоты, ибо мысль – «едем, едем» примиряла всех, – этот вечный атрибут автобусных эпопей всё надсаживался в своём стремлении опросить народ: – «прав он или не прав?».

Мужичок стоял в полутора-двух метрах от Антона. Сильный кисло-едкий; запах перегара до изнеможения доставал его тошнотворной струёй. Славка, поджав губы, выразительно посматривал в сторону мужичка, обнаруживая свою досаду глухим сопеньем. Там же закипал водоворот страстей: «Да не пхай ты, черт пьяна-а-ай!». «Уйди, ведьма!». «Куды навалился, хрен вонючий!».

И вдруг заключительным аккордом все перекрыл истош-

ный женский крик: «Да заткни ты, стручок морковный, свою пасть! Разит, – сил нет! Ну в чем ты можешь быть ещё правым, етит твою глупость!».

Этого-то и добивался ветхозаветный правдоискатель:

– Ага-ха-а! Значит, я-то не правый! – возопил он, обрадовано обводя всех глазами. Его победоносно рассиявшая маленькая рожица мгновенно приобрела бойцовый цвет и комично-деловой вид.

– Тэк-с... Ты, Любовь, считаешь, ш-ш-то я неправый, а ты, ик-х, права?! Баба!.. – неожиданно заключил он, задумчиво-мутным взглядом воззрившись на неё. Эти слова прозвучали с такой проникновенной интонацией, вместившей в себя все изумление, возмущение и ещё невесть какие возвышенные чувства, вскипевшие в его благородной душе, что в автобусе все в предвкушении чего-то умолкли, даже рокот мотора стал будто бы тише.

– Курица ты, Любка... двуногая без перьев, значит, ик-х-х... – и про тебя древний, о-очень умный чела-эк сказал... свиристелка ты-ить, и лучшее всего ты свиристишь теми местами, что к сиденью припечатываешь! Что, мужики, прав я али нет?

Бац! Тяжёлая сумка Любки, карающим орудием возмездия немедленно опустилась на хлипкую кепочку обличителя её тайных пороков. Через мгновение она взметнулась вверх, но вознеслась над пустым местом. Там, где находилась кепочка, уже никого не было. Это походило на чудо

и несколько поумерило пыл негодовавшей Любки. Стоявшие вокруг пассажиры некоторое время недоумённо смотрели друг на друга. Постепенно в воздухе возникли дельные реплики, советовавшие незадачливой обладательнице сумки посмотреть хорошенько внутри – не там ли её обидчик?

Недоразуменье разрешилось само собой. Какие-то подзрительные звуки, похожие на довольное хрюканье, прорывались сквозь гул мотора откуда-то снизу. Кое-как стоявшие вокруг отжались друг от друга и им открылась исключительно мирная картина. Мужичок, притулившись к могучему бедру стоявшей рядом тётки, блаженно всхрапывал и даже причмокивал в промежутках мерного сопения. Его ноги сползли по пологому полу почти к ногам Славки. Тот, убоявшись повредить своим весом безжизненные члены мужичка, наступив на них во время автобусных маневров, подхватил его под мышки и попытался поставить. Это было столь же безуспешно, как и поставить ртутный столбик. Мужичок, мгновенно сложившись причудливым образом, нырнул на прежнее место и там, устраиваясь поудобнее, уцепился руками за надёжную опору, бывшую поблизости.

Этой опорой оказалась нога могучей тётки. Взвизгнув от такой дерзости, она потребовала убраться от неё столь категорически, что враз посерьёзневшие мужики подняли бесчувственное тело бедолаги. Символическим штандартом оно проплыло в конец автобуса, где обрело ложе на наваленных грудой мешках и узлах. «Притомился Софроныч» – неким

подобием поминального слова произнёс кто-то, и вновь воцарившаяся тишина сонно окутала истомлённых пассажиров.

В пути они постепенно выходили, и к посёлку осталась едва треть горемычных страдальцев. Антон и Славка заняли места поближе к окну и огляделись. Софроныча среди оставшихся не было, но объект его красноречия, – Любка, – сидела впереди, держа перед собой две огромные сумки. Антон скользнул взглядом по её вытирающим лопаткам, обтянутым простеньким ситчиком и уставился в окно. За ним замелькали знакомые пейзажи, и Антон ткнул кемарившего брата:

– Слав, вставай, приехали!

Раскрасневшийся и заспанный Славка шально повёл глазами:

– Ох, спать хочется!

– Ночью, ночью, а сейчас бери колясочку, твоя очередь.

Разомнёшься, – легче станет.

Автобус качнулся к обочине и заскрипел дверьми. Антон пропустил выходившего брата и выпрыгнул следом сам, но отойти не успел:

– Эй, парень, поддержи, пожалуйста, сумку.

Антон обернулся. В дверях автобуса, тщетно пытаясь пропихнуть свою поклажу, застряла их попутчица, Любка. Она протягивала ему сумку. Антон перехватил её, поставил на землю и взял ещё одну. Любка запротестовала:

– Да я сама!

Антон не стал возражать:

– Ну ладно, только руку давайте, не то вывалитесь.

Он подхватил её под локоть. Она соскочила с подножки нетерпеливо дёргавшегося автобуса.

– Тяжеленько будет с таким багажом идти. – Антон любезно предложил. – Давайте сумку, помогу до поворота.

– Не, не надо. Меня встретят.

– Как знаете.

Люба засмеялась чуть хрипловато и негромко:

– Встретят меня, чего вам руки-то обрывать.

С другой стороны дороги донёсся нетерпеливый крик Славки:

– Чего ты там застрял? Пошли быстрее!

– Идите, идите, – поддакнула Люба. – Ваш приятель сердится.

– Ничего, ему полезно, до свидания.

– До свидания, если не шутите.

Она стояла, чуть откинувшись, и с весёлой, насмешливой улыбкой смотрела на Антона блестящими глазами:

– Вот только сигаретки у вас не найдётся?

Антон развёл руками.

– Увы, не курю.

– Ну, тогда пока...

Антон махнул рукой, отгоняя от себя назойливую муху: «Интересно, неужели тогда началась эта бодяга? Как сказал

Славка „глаз положила“. Любопытно... Кажется, мы встречались после этого всего раз пять-шесть – в автобусе туда-сюда, да у колонки и кроме „здрaсте“ никаких намёков на общение. М-да! Нет, все в тот чёртов день закрутилась эта карусель»...

Глава 3

Никаких планов на ноябрьские праздники у Антона не было. Чтобы избежать напрасных словопрений, которыми мать непременно угощала каждый раз, когда ему случилось встречать у неё праздник, а сейчас именно такой случай и предвиделся, он решил поехать на дачу – укрыть посадки. Дел на даче всегда хватало, и Антон уговорил поехать брата. Как тот не отнекивался, но предпраздничным утром они уже были в Егорьевске, на автобусной станции.

Чтобы скоротать время до отправления поселкового автобуса, братья зашли в станционное кафе. В противоположность многим, которые повидал Антон, кафе выглядело чистым и уютным. Может быть, это обстоятельство и подвигло их к искушению немедленно опробовать одну из бутылок вина, которые они взяли с собой. В кафе было пусто, и братья могли без помех и опасений осуществить своё, совсем не безопасное в других местах, мероприятие. Приготовление не заняли много времени. Славка, поглядывая на Антона, наполнил стаканы и, зябко передернув плечами, сказал:

– С праздником тебя, Дмитрич!

Не дожидаясь Антона, одним махом осушил стакан и принялся за бульон, шумно сопя носом, добавляя ртом прочие звуки. Антону есть не очень хотелось и он, выпив, с улыбкой смотрел на брата. Славка споро опорожнил тарелку. Поймав

на себе взгляд Антона, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.